

Русский Берлин: реалии повседневной жизни 1920-1930 гг. (на материалах литературного наследия В. Набокова, В. Шкловского, В. Ходасевича)

Чиглинцева Юлия Павловна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: 94julia@mail.ru

Берлин - столичный город, имеющий собственные исторически сложившиеся уклад и традиции жителей, в которых, несомненно, свой особый след оставили берлинцы русского происхождения. Район Шарлоттенбург многие до сих пор называют на русский манер Шарлоттенградом. Именно здесь вокруг мемориальной церкви Кайзера-Вильгельма в 20-е годы прошлого века селились эмигранты из России. На главной улице района Курфюрстердам одновременно могли прогуливаться Николай Бердяев, Илья Эренбург и Борис Пастернак. Но в Берлине оказались тогда не только знаменитости. В общей сложности 400 тысяч русских бежали в Германию от революции и гражданской войны. Многие надеялись, что советская власть на их родине скоро закончится, и поэтому рассчитывали пробыть в Берлине недолго. Но в итоге остались здесь на десятилетия, а некоторые и навсегда.

В это время Берлин стал местом жительства русских писателей, чье творчество занимает важнейшее место в истории русской культуры, а произведения по сей день пользуются огромной популярностью у читателей.

Владимир Ходасевич переехал в немецкую столицу в июне 1922 года, однако провел здесь всего два года и уже в октябре 1924 года по приглашению Горького переселился в Италию.

Виктор Шкловский жил в Берлине с апреля 1922 по июнь 1923 года, но его тоска по России была настолько сильна - «Я не могу жить в Берлине. Всем бытом, всеми навыками я связан с сегодняшней Россией. Умею работать только для нее. Неправильно, что я живу в Берлине [1], - что Горький и Маяковский ходатайствовали о его возвращении на родину.

И, конечно, для **Владимира Набокова**, прожившего в этом городе с 1922 по 1937 годы, Берлин был местом, где произошли самые значимые события его жизни - смерть отца, знакомство с женой и рождение единственного сына Дмитрия.

Жизнь переселенцев была тяжелой. В начале 1920-х годов русский золотой рубль был еще дорогим. Однако беззаботное существование длилось недолго. В 1923 году была введена рентная марка, что положило конец спекуляциям на валюте, число безработных достигло пяти миллионов. За публикацию книг писатели получали ничтожное жалование, несмотря на то, что работали в эмиграции очень много. Например, положение Набокова было настолько трудным, что не раз ему были выплачены пособия русского комитета помощи писателям. Owing to the limited circulation of their works abroad, even the older generation of émigré writers, whose fame had been solidly established in pre-Revolution Russia, could not hope that their books would make a living for them. Writing a weekly column for an émigré paper was never quite sufficient to keep body and pen together. Now and then translations into other languages brought in an unexpected scoop; but, otherwise, grants from various émigré organizations, earnings from public readings and lavish private charity were responsible for prolonging elderly authors' lives [2].

К 1924 году в Берлине существовало 86 русских издательств, выходили русские газеты «Руль», «Время», возникали советские издания «Новый мир» и «Накануне». Более того, были организованы два самых больших литературных объединений - «Дом искусств» и

«Клуб писателей», члены которых встречались чаще всего в различных кафе, таких как «Леон» на Ноллендорфплац, «Ландграф» на Курфюрстенштрассе. В литературной берлинской среде царил Владислав Ходасевич. Одним из самых популярных мест эмигрантского Берлина было кафе «Прагер Диле», где он выступал несколько раз. Его стихотворение «Берлинское», посвященное этому кафе, поражает своей мрачностью.

С 1922 году Берлин был наводнен шпионами и информаторами. Большевики пытались вычислить все русские эмигрантские организации, готовящиеся к свержению новой власти. Агенты советской России, которые именовались чекистами, были отосланы в немецкую столицу. Здесь действовал огромный аппарат шпионажа, который имел досье примерно на тысячу четыреста эмигрантов. По причине расхождения взглядов Набоков демонстративно игнорировал просоветских авторов - Толстого, Эренбурга, Шкловского, хотя, несомненно, был знаком с ними лично.

Русский Берлин являлся основным местом действия в романах и стихах Набокова, Ходасевича и Шкловского 1920-х годов. Однако все они не находили радости от жизни в Берлине, чувствовали себя чужаками в этом городе. С берлинской улицы // Вверху луна видна. // В берлинских улицах // Людская тень длинна. // Дома — как демоны, // Между домами — мрак; // Шеренги демонов, // И между них - сквозняк [3].

Проведенное исследование показало, что, несомненно, Берлин в 20-е годы XIX века стал центром русской эмиграции и не напрасно получил название «Русский Берлин». Сюда съезжались многие видные деятели, но все они не планировали здесь надолго задерживаться. Немцы называли Берлин второй столицей России, а Курфюрстердам - НЭПским проспектом. Создавались многочисленные русские издательства, в начале 1920-х годов в немецкой столице было издано больше книг на русском языке, чем в Петрограде и Москве. Русскими эмигрантами было облюбовано большое количество берлинских кафе и кабаков, где они зачитывали свои стихи и рассказы, и не было ничего необычного, когда в рядом расположенных кафе одновременно проходило несколько поэтических выступлений. Но, несмотря на то, что они пытались сделать этот город похожим на их Родину, они испытывали невероятную тоску, и все им казалось чужим. Скучно, одним словом. Скучный, чужой город. И жить в нем дорого...[4].

Источники и литература

- 1) Шкловский В., Zoo: Избранные произведения. СПб.: Лениздат. 2013. с.97-98
- 2) Nabokov V., Speak memory. New York: First Vintage International Edition, 1989. с.147
- 3) Ходасевич В., Стихотворения. Некрополь. СПб.: Азбука. 2015. с.81-82
- 4) Набоков В., Возвращение Чорба. СПб.: Азбука. 2013. с.91